Golos Truda n° 297

Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. — В единении сила!

ГОЛОС ТРУДА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ Ю. АМЕРИКИ.

„GOLOS TRUDA" Orgáno de la Federación Obrera Rusa Sud-Americana.

Год 12 || Buenos Aires, 18 de Septiembre de 1929 || N. CHOLOVSKY, CORREO CENTRAL, CASILLA 1752 || № 297

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО.

КО ВСЕМ ОРГАНИЗАЦИЯМ и ОТДЕЛЬНЫМ ТОВ. ВХОДЯЩИМ в Ф.Р.Р.О.Ю.А.

Уважаемые товарищи!

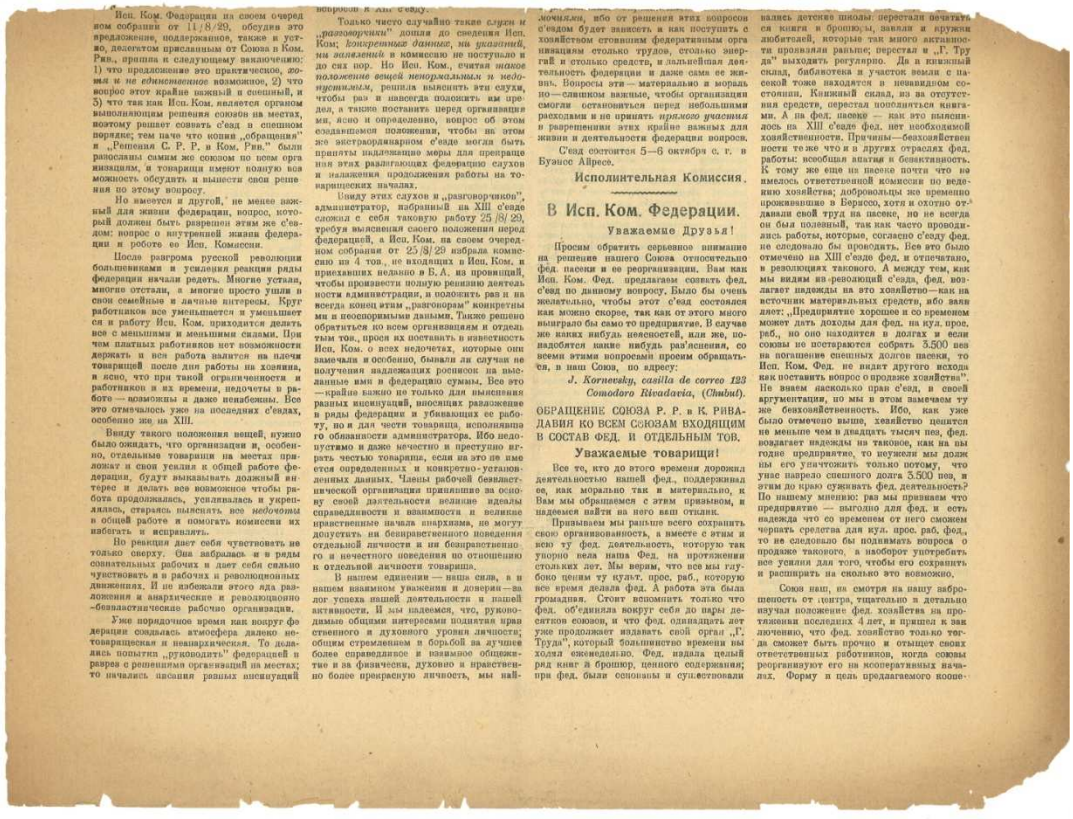
Как вам уже известно из резолюций XIII с'езда и циркулярного письма комиссии о посевном хозяйстве (см. Г. Т. № № 295—96), разрешение вопроса о *посевном кооперативе* было отложено до разрешения вопроса о выплате, хотя бы, самых спешных, долгов.

Некоторые союзы на местах занялись обсуждением этого вопроса, а союз в Комодоро Ривадавия даже выработал определенный план и внёсит определенное предложение о разрешении этого вопроса. В этом же номере Голоса Труда товарищи найдут письмо в Исп. Ком., „Обращение к Союзы" и „Решение союза Р. Р. в Ком. Ривадавия" в которых выложен определенные конкретные предложения о выплате долгов и реорганизации ведения этого хозяйства на кооперативных началах. Также предлагается созвать как можно скорее экстроординарный С'езд Федерации для обсуждения, выяснения и решения этого как против отдельных товарищей и комиссиях так и против комиссии и всей федерации в целом; а в последнее время положение еще больше ухудшилось: начались инсинуации, нашептывания, „разговорчики", начались создаваться такое положение, что не только стало невозможной какая нибудь дельная и полезная работа, но просто напросто разбалять всякую федеративную работу как и всю федерацию в целом. Вместо того чтобы выяснять и исправлять недочеты и недостатки в работе и деятельности Исп. Комиссий или отдельных их членов, вместо того чтобы поставить вопросы об этих недочетах прямо и по товарищески на разрешение организаций, если понятно таковые имелись или имеются, находятся товарищи и личности, которые не находят ничего лучшего делать, как „*разговаривать*" и *инсинуировать* по закоулкам, вредя этим как общей работе, так и самой федерации. И что еще хуже, их комиссии не ставили в известность об этом, ни поставили подобных

дем и себе и силы и достаточно воли что бы положить предел этим разлагающим тенденциям в нашей среде, исправить все возможные имеющиеся недочеты в нашей общей работе и повести ее вперед на *товарищеских и дружеских* началах так, чтобы интересы общие были интересами каждого в отдельности, и чтобы анархические начала: справедливость, взаимность, нравственность и внимание уважение и терпимость стали уже теперь основой и базой нашей работы. А тогда, мы в этом убеждены, никакие разлагающие силы, ни какой яд, никакая реакция, не смогут ни разбить, ни разложить нашего движения и нашей работы, и наша деятельность будет великой и полезной и для освобождения угнетенных, и для создания нового лучшего и более прекрасного человечества.

Исп. Ком. считает необходимым обратить внимание товарищей на то, что оба эти вопроса — крайне важные и требуют *тщательного* разбора и *определенных* решений, в чем поэтому необходимы и данных вопросах предложения и решения *конкретные* и ясные, або одними только пожеланиями и общими решениями вопросы эти не смогут быть разрешены. Также важно чтобы организации постарались иметь *своего* делегата на с'езде и с

несколько рациональных детских школ, причем число учеников в некоторых из них доходило до сотни; при фед. организовывались целый ряд кружков любителей, которые так много ценного сделали и внесли столько света в нашу среду; фед. основала книжный склад, из которого не мало ценных книг получили русский читатель в Южной Америке; фед. организовала хорошую библиотеку, которой обслуживает много читателей; федерация различными другими способами больше десятка лет носила свет и сеяла любовь к людям и стремление к лучшей новой жизни и братстве и солидарности; федерация всегда старалась углублять и расширять свою деятельность и дошла вплоть до того что приобрела участок земли и создала посевное хозяйство, которое теперь оценивается чуть ли не в 20.000 пез. Федерация росла духовно и материально и играла видную роль в жизни русской колонии в Южной Америке; федерация пользовалась большими симпатиями и на первый ключ получался всегда отзыв. Но не то происходит сейчас. Времена изменились. Неудачная попытка народной Революции в России и торжество мировой реакции тяжело отразились и на жизни и деятельности нашей федерации. Начала замирать активность союзов и от-



Исп. Ком. Федерации на своем очередном собрании от 11/8/29, обсудив это предложение, поддержанное, также и устно, делегатом присланным от Союза в Ком. Рив., пришла к следующему заключению: 1) что предложение это практическое, *хотя и не единственное* возможное, 2) что вопрос этот крайне важный и спешный, и 3) что так как Исп. Ком. является органом выполняющим решения союзов на местах, поэтому решает созвать с'езд и спешном порядке; тем паче что копии „обращения" и „Решения С. Р. Р. в Ком. Рив." были разосланы самим же союзом по всем организациям, и товарищи имеют полную возможность обсудить и изложить свои решения по этому вопросу.

Но вместе и другой, не менее важный для жизни федерации, вопрос, который должен быть разрешен этим же с'ездом: вопрос о внутренней жизни федерации и работе ее Исп. Комиссии.

После разгрома русской революции большевиками и усиления реакции ряды федерации начали редеть. Многие устали, многие отстали, а многие просто ушли в свои семейные и личные интересы. Круг работников все уменьшается и уменьшает ся и работу Исп. Ком. приходится делать все с меньшими и меньшими силами. При чем платных работников нет возможности держать и вся работа валится на плечи товарищей после дни работы на хозяина, и ясно, что при такой ограниченности и работников и их времени, недочеты в работе — возможны и даже неизбежны. Все это отмечалось уже на последних с'ездах, особенно же на XIII.

Вокруг такого положения вещей, нужно было ожидать, что организации и, особенно, отдельные товарищи на местах приложат и свои усилия к общей работе федерации, будут выказывать должный интерес и делать все возможное чтобы работа продолжалась, усиливалась и укреплялась, стараясь выяснять все *недочеты* в общей работе и помогать комиссии их набегать и исправлять.

Но реакция дает себя чувствовать не только сверху. Она забралась и в ряды сознательных рабочих и дает себя сильно чувствовать и в рабочих и революционных движениях. И не избежали этого яда разложения и анархические и революционно-безвластические рабочие организации.

Уже порядочное время как вокруг федерации создалась атмосфера далеко нетоварищеская и неанархическая. То делались попытки „руководить" федерацией и разрез с решениями организаций на местах; то начались писания разных инсинуаций вопросы и ин. с'езду.

Только чисто случайно такие *слухи* и *„разговорчики"* дошли до сведения Исп. Ком; *конкретные данные, на указаний, на жалений* в комиссию не поступало и до сих пор. Но Исп. Ком., считая *такое положение вещей ненормальным и недопустимым*, решила выяснить эти слухи, чтобы раз и навсегда положить им предел, а также поставить перед организациями, ясно и определенно, вопрос об этом создавшемся положении, чтобы на этом же экстроординарном с'езде могли быть приняты надлежащие меры для прекращения этих разлагающих федерацию слухов и налаженния продолжения работы на товарищеских началах.

Вокруг этих слухов и „разговорчиков", администратор, избранный на XIII с'езде сложил с себя такового работу 25/8/29, требуя выяснения своего положения перед федерацией, а Исп. Ком. на своем очередном собрании от 25/8/29 избрала комиссию из 4 тов., не входящих в Исп. Ком. и приехавших недавно в Б. А. из провинций, чтобы произвести полную ревизию деятельности администрации, и положить раз и на всегда конец этим „разговорам" конкретными и неопровержимыми данными. Также решено обратиться ко всем организациям и отдельным тов., прося их поставить в известность Исп. Ком. о всех недочетах, которые они замечали и особенно, бывали ли случаи не получения надлежащих росписок на высланные ими в федерацию суммы. Все это — крайне важно не только для выяснения разных инсинуаций, вносящих разложение в ряды федерации и убивающих ее работу, но и для чести товарища, исполняющего обязанности администратора. Ибо недопустимо и даже нечестно и преступно играть честью товарища, если на это не имеется определенных и конкретно-установленных данных. Члены рабочей безвластнической организации принявшие за основу своей деятельности великие идеалы справедливости и взаимности и великие нравственные начала анархизма, не могут допустить ни безнравственного поведения отдельной личности и ни безнравственного и нечестного поведения по отношению к отдельной личности товарища.

В нашем единении — наша сила, а в нашем взаимном уважении и доверии — залог успеха нашей деятельности и нашей активности. И мы надеемся, что, руководимые общими интересами поднятия нравственного и духовного уровня личности; общим стремлением к борьбой за лучшее более справедливое и взаимное общежитие и за физически, духовно и нравственно более прекрасную личность, мы най-

мочиями, ибо от решения этих вопросов с'ездом будет зависеть и как поступить с крайне важным отношим федеративным организациям столько трудов, столько энергий и столько средств, и дальнейшая деятельность федерации и даже сама ее жизнь. Вопросы эти — материально и морально — слишком важные, чтобы организации смогли остановиться перед небольшими расходами и не принять *прямого участия* в разрешении этих крайне важных для жизни и деятельности федерации вопросов.

С'езд состоится 5—6 октября с. г. в Буэнос Айресе.

Исполнительная Комиссия.

В Исп. Ком. Федерации.

Уважаемые Друзья!

Просим обратить серьезное внимание на решение нашего Союза относительно фед. пасеки и ее реорганизации. Вам как Исп. Ком. Фед. предлагаем созвать фед. с'езд по данному вопросу. Было бы очень желательно, чтобы этот с'езд состоялся как можно скорее, так как от этого много выиграло бы само то предприятие. В случае же каких либо затруднений, или же, понадобится какие нибудь раз'яснения, со всеми этими вопросами просим обращаться, в наш Союз, по адресу:

J. Kornevsky, casilla de correo 123
Comodoro Rivadavia, (Chubut).

ОБРАЩЕНИЕ СОЮЗА Р. Р. в К. РИВАДАВИЯ КО ВСЕМ СОЮЗАМ ВХОДЯЩИМ В СОСТАВ ФЕД. И ОТДЕЛЬНЫМ ТОВ.

Уважаемые товарищи!

Все те, кто до этого времени дорожил деятельностью нашей фед., поддерживал ее, как морально так и материально, к Вам мы обращаемся с этим правилом, в надеемся найти на него ваш отклик.

Призываем мы раньше всего сохранить свою организованность, а вместе с этим и всю ту фед. деятельность, которую так упорно вела наша Фед. на протяжении стольких лет. Мы верим, что все мы глубоко ценим ту культ. прос. раб., которую все время делала фед. А работа эта была громадная. Стоит вспомнить только что фед. об'единяла вокруг себя до пары десятков союзов, и что фед. однадцать лет уже продолжает издавать свой орган „Г. Труда", который большинство времени выходил ежемесячно. Фед. издала целый ряд книг и брошюр, ценного содержания; при фед. были основаны и существовали

лись детские школы; перестали печататься книги и брошюры, завяли и кружки любителей, которые так много активности проявляли раньше; перестал и „Г. Труда" выходить регулярно. Да и книжный склад, библиотека и участок земли с посевой тоже находятся в ненавидном состоянии. Книжный склад, из за отсутствия средств, перестал пополняться книгами. А на фед. пасеке — как это выяснилось на XIII с'езде фед. нет необходимой хозяйственности. Причины—безхозяйственности те же что и в других отраслях фед. работы: всеобщая апатия и безактивность. К тому же еще на пасеке почти что не имелось ответственной комиссии по ведению хозяйства; добровольцы же временно проживавшие в Берисо, хотя и охотно отдавали свой труд на пасеке, но не всегда они были полезный, так как часто проводились работы, которые, согласно с'езду фед. не следовало бы проводить. Все это было отмечено на XIII с'езде фед. и отмечалось, в резолюциях такового. А между тем, как мы видим из резолюций с'езда, фед. возлагает надежды на это хозяйство—как на источник материальных средств, або заяв длют: „Предприятие хорошее и со временем может дать доходы для фед. на кул. прос. раб., но оно находится в долгах и если союзы не пострараются собрать 3.500 пез на погашение спешных долгов пасеки, то Исп. Ком. Фед. не видет другого исхода как поставить вопрос о продаже хозяйства". Не внаем насколько прав с'езд, в своей аргументации, но мы в этом замечаем ту же безхозяйственность. Исо, как уже было отмечено выше, хозяйство ценится не меньше чем в двадцать тысяч пез, фед. возлагает надежды на таковое, как на выгодное предприятие, то неужели мы должны его уничтожить только потому, что уже нарезло спешного долга 3.500 пез, и этим до краю суживать фед. деятельность? По нашему мнению: раз мы признаем что предприятие — выгодно для фед. и есть надежда что со временем от него сможем черпать средства для куль. прос. раб. фед., то не следовало бы поднимать вопроса о продаже такового, а наоборот употребить все усилия для того, чтобы его сохранить и расширить на сколько это возможно.

Союз наш, на смотря на нашу неброшепость от центра, тщательно и детально изучал положение фед. хозяйства на протяжении последних 4 лет, и пришел к заключению, что фед. хозяйство только тогда сможет быть прочно и отвящет своих ответственных работников, когда союзы реорганизуют его на кооперативных началах. Форму и цель предлагаемого коопе-

ратива, мы излагаем подробно в нашем решении, вынесенном на собрании от 1 июля 1929 г. Мы предлагаем, с своей стороны, всем родственным союзам входящим в состав фед. и дорожащим деятельностью таковой, последовать нашему примеру и на своих собраниях, вырешать вопрос о фед. пасеке и ее реорганизации; вынести определенные резолюции по данному вопросу, созвать с'езд исключительно по ному вопросу о фед. хозяйстве, чтобы раз и навсегда покончить с наболевшей неравберихой, которая все время продолжает нас тревожить.

Союз Рус. Раб. и Ком. Ривадавии, предлагает Исп. Ком. Фед. назначить день с'езда и оповестить об этом на страницах Г. Труда.

Наш союз решил принять живое участие в предлагаемом с'езде, прислать на с'езд своих делегатов, при чем решил так же принять на себя большую часть ответственности за долги пасеки, если вопрос о таковой разрешится в духе решения нашего союза.

За союз Р. Р. в Ком. Ривадавия.
Секретарь *С. Корневский.*

1 Июля 1929 года.

РЕШЕНИЕ СОЮЗА Р. Р. в К. РИВАД. О РЕОРГАНИЗАЦИИ ФЕД. ПАСЕКИ НА КООПЕРАТИВНЫХ НАЧАЛАХ.

а) цели кооператива.

Кооператив организовывается для культурно просветительных целей, чтобы, как морально так и материально, способствовать:

1) Индивиду фед. органа „Г. Труда";

2) Возобновлению существования при фед. рациональных детских школ;

3) По возможности итти навстречу и поддерживать все любительские кружки, которые идейно не расходятся с федерацией.

4) Создать комитет взаимопомощи целью которого должна быть помощь политическим заключенным томящимся по тюрьмам разных стран, а так же оказывать помощь нуждающимся товарищам.

б) средства кооператива.

Членом кооператива может стать всякий, кто идейно согласен — с *Уставом* и *Декларацией Ф.Р.Р.О.П.А.* и обязуется способствовать в развитии кооператива как морально так и материально.

Каждый член вносит ежемесячно одну песу членского взноса в пользу кооператива; при чем обязуется при вступлении в члены такового уплатить за год вперед, т. е. 12 пес; так же обязуется не менее пятидесяти пес вложить, *взаимообразно*, на погашение сновных долгов пасеки.

Личность желающая стать членом кооператива, но не располагающая выше указанной суммой для взаимообразного взноса может пополнять таковой постепенно.

Членам сделавшим заем в кооператив рекомендуется, по силе возможности, воздержаться от требования скорого возвращения таковых.

Кооператив в свою очередь должен будет употребить все усилия для ликвидации долгов пасеки.

Личность уличенная в плохих поступках не может быть членом кооператива.

Должны также исключаться из кооператива и те члены, которые злонамеренно задумают саботировать деятельности такового.

Закрепить пасечное хозяйство за членами кооператива юридически, т. е. законным порядком.

Союз Рос. Раб. в К. Ривадавии принял выше изложенное решение единогласно.

1 июля 1929 г.

За союз Секретарь *С. К.*

В Советской Социалистической...

АЛЕКСАНДР КОЛЕМАСОВ за самовольную отлучку из деревни в город, после нескольких месяцев ареста в Ачинской тюрьме, сослан на три года в Туруханский край. Тов. Колемасов — бывший студент Географического Института и бывший ком сомолец. Из института он ушел во Флот и там стал анархистом. По тюрьмам и ссылкам — с 1924 года. Здоровье его за эти годы сильно расстроилось.

ЕФИМ ГЕРАСИМОВ окончил срок в Верхне-Уральском полит-изоляторе и сослан на три года в Нарымский край.

МИХАИЛ БЕДЮКОВ сослан на три года и Парабель Томского округа (Нарым).

Туда же и на тот же срок сосланы и т-ция ЕФИМ ДОЛИНСКИЙ и РАЯ ШУЛЬМАН.

Тов. КИРА ШТЮРМЕР, студентка, бы за арестована в Ленинграде и заключена в Верхне-Уральский полит-изолятор на 5 года. Сейчас — за 4 месяца до окончания срока, ввиду усиленного процесса туберкулеза легких, ее освободили из изолятора... чтобы помотать в больницу.

Тов. СЕРЕЖА БЫЗОВ был арестован 8-го фев. 1925 года и отправлен в ссылку в Туруханск, Каракалинской Автономной области. Через два года он был арестован и помещен в Ярославский политизолятор на 3 года. Срок этот по амнистии был сокращен на 9 месяцев и теперь он получил третий срок из Суздальского политизолятора, куда был переведен за ликвидацией Ярославского изолятора, он был отправлен в Сибирь, в Шаткинский район, Енисейского округа, на 3 года.

Тов. СЕРГЕЙ АДОВ, из Питера, сослан на 3 года, в дер. Колпашево, Нарымского края. Томского округа. Т-ция ВОРОНИН и ГАВРИЛЕНКО — оба авторы Балтийского Флота — сосланы на 3 года в г. Акмолинск.

Тов. ДИНА ЦЕЙРИФ, отбывающая ссылку в Саратове, незадолго до окончания срока снята с работы и исключена из Союза.

Жена тов. МИХАИЛА БАДИНА, отбывающего ссылку в дер. Джамбатта, снята с работы... как жена ссыльного.

—⊙⊙⊙—

...В первых числах мая московские „радетели" закрыли „Московское Вегетарианское Общество" и запретили издание их бюллетеня. О-во было основано еще Львом Толстым и просуществовало 20 лет. Второе большое Вегетарианское Общество в Ленинграде набожало такой же участи только потому, что оно во время усекло не ремевать свою „внешность"... Вместо „вегетарианского" оно назвалось „Обществом пропаганды растительно-молочного питания" и выработало... марксистскую программу. В противовес московским толстовцам-пищефагам, оно рекомендует рациональную диету специально для Красной Армии. „Общество" это издает свой печатный орган под названием „Гигиена Питания", в котором строго воспрещается упоминать даже слово „вегетарианство"...

Из письма ссыльного т-ща—боль ного туберкулезом в 3 стадии:

...„У меня уже просто сил нет... Страшно устаю... Весна себя дает здорово чувствовать. *Нужно было бы усиленное питание, а тут, кроме хлеба да горячей воды — и не всегда с сахаром—ничего нет!..* Дороговизна чудовищная! Из дому мне теперь помочь не могут. Приходится жить на казенные 6 руб. 25 коп. в месяц"...

ФОНД ПОМОЩИ (при М.Т.Р.) заключенным и ссыльным анархистам и анархо-синдикалистам в России.

Адрес: *A. Bergmann, 120 Rue Tahère, St-Cloud (Seine et Oise). Francia.*

***

Только горы да степи широкие,
Где пошатывается конвыль.
Из Уральска в Сибирь глубокую
Ветер гонит снежную пыль.

Разве можно глядеть без боли
Наклонившись в окно головой?
Так недавно всем телом на воле
Я дрожал как осина листвой.

Было счастье когда-то ближе,
А теперь, кружась на цепи,
Я гляжу, как проходит жизнь
И как мечется ветер в степи.

Душу снегом рассыпал по ветру,
Хорошо-бы умчатся в тайгу...
Я на этом заковином снеге
Очень многого — не могу.

И нагрустилось по дальним дорогам
Так и тянет за широм вослед,
Но руками решетку потрогал
И нащупал железное „нет!"

В. К.

Новый год, 1928.

ВОЛИН.

ОЧЕРКИ ПО АНАРХИЗМУ

ОЧЕРК III

Ближайшие практические задачи.

Перед анархическим движением стоят, на мой взгляд, — во всех странах — две практических задачи.

Одна — так-сказать, внешняя: ознакомить с нашей идеей возможно более широкие слои трудящихся; проникнуть на фабрики, на заводы, в деревню, в мастерские, в рабочие организации; создать повсюду активные группы товарищей, которые, при самой деятельном участие в повседневной жизни и борьба труда, вносили бы в каждое дело, в каждый вопрос *наше* понимание, *нашу* точку зрения, *наш* дух. Эта задача, как и все в нашем движении, не терпит отлагательства. За нее необходимо взяться теперь же, *сегодня* же, самым энергичным образом. В анархических рядах немало рабочих. На них-то и должен, прежде всего, обязаность неустанной идейной работы в окружающей их среде: обязаность создания широких и прочных кадров нашего движения.

Однако, осуществление этой задачи тесно связано с тремя условиями, без предварительного (или, по крайней мере, одновременного) создания которых это осуществление представляется мне невозможным. Первое условие — теоретическое продвижение вперед и согласование нашей идеи, о котором шла речь в прошлом очерке, **)* и без которого невозможно об'единение нашего разровненного движения. Второе необходимое условие — наша тесная связь с революционно-синдикалистским движением и рост нашего идейного влияния и его рядах, так-как именно сии революционное движение имеет наибольшую возможность непосредственной, живой идейной и организационной связи с рабочими массами, а также и работы среди этих масс. Наконец, третье условие — *идейное и организационное об'единение нашего движения.*

Это последнее условие я считаю самым важным и самым спешным. Теоретическая разработка, теоретическое сближение наших идей особенно важны и спешны именно потому, что без них, как мы сказали, невозможно это об'единение. А без этого об'единения невозможны, в свою очередь, ни создание других необходимых условий, ни разрешение упомянутой „внешней" практической задачи.

Только об'единенное, организованное, хорошо сплавное анархическое движение в состоянии разрешить задачу планомерного, прочного, развертывающегося охвата трудовых масс, задачу идейного проникновения в их гущу. Только строгое, об'единенное движение может вступить в постоянную и прочную связь с синдикалистскими кадрами. Только оно в силах создать хорошую анархическую печать, расширять и углублять всю нашу пропаганду, придать нашему делу подлинную силу. И даже теоретическая работа по анархизму, будучи сама необходимым условием об'единения, в то же время требует уже наличия воли к об'единению и некоторых первых шагов в этом направлении.

Таким образом, и наша теоретическая задачи, и „внешняя" практическая задача, и условия для их осуществления,—все это тесно переплетено между собой. И центральным, „гордиевым" узлом этого сплетения,—узлом, который необходимо прежде всего разрубить, — является *задача об'единения анархического движения.*

Вот почему мы не только считаем ее одним из необходимых условий расширения нашего дела, но и выдвигаем ее как *самостоятельную практическую задачу дня.* Это и есть наша вторая, так-сказать „внутренняя" задача.

На ней *я* хочу остановиться несколько подробнее.

***

Какие шаги необходимо предпринять *теперь же*, чтобы собрать наши рассыпанные силы и создать, во всех странах, единое анархическое движение?

Мне думается, что надо, прежде всего, чтобы в каждой стране товарищи, стоящие на точке зрения об'единения, снеслись друг с другом и предприняли ряд энергичных усилий в целях *постановки печатного органа*, отстаивающего эту точку зрения и *редактируемого в соответствии с нею.*

Затем, вокруг такого печатного органа необходимо начать действительно собирать анархические силы. Все серьезные анархисты, желающие работать и создать единое движение, должны, при посредстве этого печатного органа, найти друг друга и поставить на очередь *организационный вопрос.*

Далее, должны создаться на местах группы, признавшие об'единенный орган своим. При дальнейшем развитии движения, эти группы должны об'единяться в местные федерации. Впоследствии эти местные федерации могут об'единиться в одну Конфедерацию.

Связь между группами и федерациями должна быть свободной, федеративной, но прочной, постоянной, *организованной.* Каждая группа, каждая федерация и, наконец, вся Конфедерация должны иметь секретаря или секретариат, для ведения дел организации и для правильных сношений с другими организациями.

Организации должны учредить регулярные членские взносы — для своих текущих расходов, для поддержания печатного органа и т. д.

Важной практической задачей всех этих идейных организаций должна быть, помимо поддержки печатного органа и обычной пропаганды, *активная работа по созданию рабочих групп по заводам, фабрикам, мастерским, крестьянских групп в деревне, групп солдатских, матросских и т. п.* Должна быть налажена везде прочная организационная связь между основными организациями и этими группами. Организации должны интенсивно обсуждать эти группы литературой и пр.

***

В России анархическое движение временно убито, как ни в какой другой стране. (Даже в Италии, Испании и Болгарии ему легче дышется). Нет никакой анархической печати. Нет никаких организаций. Всякое движение беспощадно преследуется.

Значительная часть русских анархистов живет заграницей, на положении временных эмигрантов. Естественно, что в русское анархическое движение сосредоточено сейчас, в значительной степени, заграницей.

Такое положение русского анарх. движения вынуждает нас поговорить о нем несколько особо.

Движение это, в эмигрантских условиях существования, разбито и рассыпано сейчас больше, чем когда бы то не было. И больше, чем когда бы то не было, необходимо его собрать, об'единить, организовать.

В этих целях необходимо, прежде всего, создание заграницей *хорошего* печатного органа: широкого, терпимого; *об'единительного* по тенденции; богатого, сочного и свежего по содержанию.

На постановку такого органа, — регулярно выходящего журнала, обслуживающего все анархические круги заграницей, — должна сейчас направиться энергия активных

*) См. I-й Очерк в „Г. Труда" № 288
2-й Очерк в № 292.

А. Н. Рубакин.

Недавно исполнилось 40 лет литературно-общественной деятельности известного русского книговеда и одного из отцов организации дела внешкольного образования трудящихся Николая Александровича Рубакина.

Имя Н. А. Рубакина достаточно хорошо известно нашим читателям, как имя одного из старейших сотрудников „Вестника Знания". Долголетняя жизнь Н. А. в Швейцарии связала его тесной дружбой с бывшими русскими эмигрантами, а ныне некоторыми крупными политическими работниками.

Жизнь Н. А. необычайно содержательна и разносторонна.

Внук крестьянина-старообрядца, Н. А. Рубакин родился 1-го июля 1862 года в Ораниенбауме.

Высшее образование Н. А. получил в бывшем СПБ Университете по физико-математическому факультету. Одновременно слушал и курс юридического и историко-филологического факультета.

Замешанный в политическом деле, Н. А. был отдан под гласный надзор полиции и выпровожден в Швейцарию, где он уже 18 лет ведет свою научно-библиографическую работу. Все это время, а теперь в особенности, он не только не потерял связи с родиной, но и ни на минуту не переставал работать для ее трудящегося класса.

Сейчас Н. А. живет в Лозанне, окруженный 47.000 томов своей библиотеки, и состоит директором секции библиологической психологии, основанной в 1916 г. двумя всемирно известными институтами Жан-Жака Руссо в Женеве и международным библиографическим институтом в Брюсселе.

Секция представляет собой международное ученно-просветительное учреждение, в задачу которого, между прочим, входит информирование западно-европейских и американских ученых мира об успехах культуры и науки в СССР.

Идеей самообразования Н. А. Рубакин увлекся еще в 70-х годах, будучи еще учеником, под влиянием „Реалистов" Д. Писарева и „Исторических писем" П. Лаврова-Миртова. Еще тогда Н. А. исписывал целые тетради на темы: Что и как и зачем читать". При этом ставилась цель самая решительная борьба с тремя величайшими несправедливостями существующего строя: крайне неравномерным распределением знаний и умственного развития, гражданских прав и создаваемых трудом богатств.

Жизнь и работа на фабрике, близкие сношения с рабочим и с крестьянами, постоянная близость с революционными рамп разных партий и личное участие в революционной, главным образом, пропагандистской и агитаторской работе, а так же близость к кружку „Посредников", к Спб. Комитету Грамотности, Вольно-Экономическому обществу натолкнула Н. А. на составление научных книжек для рабочих, крестьян и солдат.

Чтобы дать знания трудящимся, Н. А. Рубакин написал 250 научно-популярных книг: „Практика Самообразования", „Письма к читателям по самообразованию", огромное трехтомное произведение „Среди книг" и др.

Из 245 научных („народных") его книжек 47 были сожжены царской цензурой, а остальные еще до войны разошлись по всей России более чем в 15 миллионах экземпляров.

И о самой большой работе Н. А. Рубакина, о „Среди книг", В. И. Ленин писал:

„Нечего и говорить, что заданное поистине колоссальное, но безусловно необходимое дело выполнено автором с замечательным знанием дела, с любовью и с большим успехом. Книга Рубакина должна быть настольной книгой всякого, кто интересуется вопросами самообразования, кто желает не только читать книги, но и уметь читать их, кто желает не только прочесть, но и усвоить прочитанное".

Ни одной солидной библиотеке без сочинения Рубакина пользоваться будет обойтись".

Начиная с 1889 г., под напором жгучих потребностей жизни, Н. А. пришлось лично руководить самообразованием многих и многих самоучек из всех классов общества. Сама жизнь направила Н. А. на это дело, начиная с его пребывания на фабрике (1887—1892 г.). В 1889 году появился его „Опыт программы исследования литературы для народа", (напечатано в „Русском Богатстве" 1889 г. № 5—6 и отд. изд.). На 119 вопросов этой брошюры стали посылать свои ответы сами читатели. В 1905 году Н. А. получил таких ответов более чем от 5 тысяч самоучек. Всем им он стал составлять небольшие программки для самообразовательного чтения, а кому нужно, стал давать и книги. Неоднократные высылки из СПБ. положили конец этой работе по непосредственной помощи всем стремящимся к самообразованию. Однако, она вскоре возобновилась в форме зарубежного сотрудничества во Швейцарии в русских журналах.

Работа в журналах привела к тому, что у Н. А. образовалась по отменная аудитория из 5507 человек, самообразованием которых он и руководил вплоть до 1915 г., пока война не положила предел этой работе. Но в 1922 г. переписка с читателями снова возобновилась, и на этот раз в международном масштабе.

Н. А. Рубакин и теперь живет на границей, в Лозанне (Швейцария), и вследствие сложной и застарелой болезни не может приехать в СССР.

Благодаря постоянному общению с самоучками, Н. А. никогда не чувствовал себя отрезанным от трудящихся классов своей страны, никогда не уходил от жизни, никогда не превращался в ученого буквоеда.

Девиз всей его жизни всегда был такой: „Да здравствует книга, могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость".

В эти дни сотни и тысячи людей тепло и с благодарностью вспоминают о человеке, четыре десятилетия посвятившем труд под книгами в сложном лабиринте печатных изданий, чтобы дать трудящимся прямой и кратчий путь к вершинам современного знания.

1/VII 1926 г. *„Вестник Знания"*

Значение книги.

Да здравствует книга, могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость.

Н. РУБАКИН.

I.

Однажды я получил от незнакомого мне друга-читателя письмо вот с какой просьбой:

— Укажите мне книгу, которая сразу перевернула бы мне душу и сделала бы меня не таким отвратительным, каков я теперь.

Это было в 1912 году. Читатель, написавшего мне такие строки, уже давно нет в живых: он—одна из безымянных жертв тех истребителей человечества, которые называются „виновниками великой войны". Читатель — друг, погибший „на поле брани", один из многих-многих, которые поразительно искренне и глубоко любят книгу и верят в ее светлую мощь. Этот читатель, пылкий, светлый юноша, задыхался в том русском уголке глухой провинции, где ему, на его горе, пришлось и родиться на свет, и существовать, задыхаясь. Он прежде всего винил самого себя: „почему я таков, что у меня так мало сил для жизни? И почему я таков, что даже и лучшие-то книги на меня никак не действуют"? „Наверное, наверное, существует же на свете такая книга, которая способна перевернуть всю мою жизнь! Не так ли"?

Да, именно так; на свете наверное существует и такая книга, которая *может* перевернуть жизнь каждого из нас. Позволяю себе подтвердить всю правильность этой мысли и этого читательского стремления к такой книге и с моей стороны. Много-много прошло мимо меня на моем веку таких читателей, души которых были чуть ли не сразу, почти мгновенно переделываемы то той, то иной книгой. Я был знаком с художником, который стал учиться рисовать на 60 году, под влиянием книги, и сделался художником довольно хорошим. Я видел очень известного церковника, с которого, тоже под влиянием книги, очень быстро сползла вся труха много-вековых суеверий, и он превратился. Под влиянием книг превращались на моих глазах самые от'явленные буржуи в социалистов, а самые радикальные социалисты быстро размагничивались. Под влиянием книг нарождаются писатели и общественные деятели. Под их же влиянием люди то и дело убивают и самих себя, и других людей. И мильоны и мильоны читателей не только ежедневно, но и еженощно творят мильоны глупостей и благоглупостей тоже под влиянием книг. И того больше — под влиянием газет. Сентиментальный роман великого В. Гете „Вертер", герой которого покончил самоубийством из за любви к Шарлотте, вызвал в Германии его времени целую серию самоубийств.

Не меньшую сенсацию в конце XVIII века произвел сентиментальный же роман Ричардсона „Кларисса". Роман этот имел поистине неслыханный успех не только в Англии, но и во всей Европе. Роман печатался в одном журнале и тянулся очень долго. Героиня романа Кларисса не только „страдала душою", но и хворала. Ее страдания и болезни автор описывал не торопясь, а читатели в это самое время страдали от нетерпения: что то будет с этой героиней, так любезной их сердцу? Сведения о здоровьи никогда не существовавшей Клариссы выдерживались читателями это то романа из уст в уста, как самая важная новость. Простые люди молились о выздоровлении Клариссы. Дамы писали автору трогательные письма и умоляли Ричардсона спасти душу Ловласа, героя того же самого романа — героя, который сократил Клариссу с правильного пути и этим погубил ее. Министры, прежде чем слать к королю с докладом, заезжали к Ричардсону — чтобы справиться о здоровьи „Мисс Клариссы", так как король мог спросить об этом. А один читатель написал Ричардсону грозное письмо: „Если Мисс Кларисса умрет, то я с приличной компанией подстерегу вас на Редмонт-Стрите, всенародно сниму с вас парик, а если сердце мое мне подскажет, то и покалечу вас всерьезно". Подпись под письмом: Капитан Джордж Ковентри.

Другие страны и другие времена имели своих „Вертеров" и „Клариссу", производивших поразительные влияния не только на отдельных читателей, но и на целые общества, составленные из тысяч и десятков их. Иные плакали над „Бедной Лизой" Карамзина, другим переворачивали душу „Исторические Письма" П. Лаврова-Миртова и „Что делать" Чернышевского. Целые сотни детей и юношей убегают из родительского дома, начитавшись Майн Рида, Густава Эмара, Жюля Верна. Сыщические романы Конан Дойля тоже перевернули судьбу многих. Да, книга даже очень способна переворачивать человеческую душу. И уже переверзлась многие — многие. А потому как же не сказать, что книги, способные сказать на каждого из нас такое переворачивающее действие, уже имеются, уже написаны, уже напечатаны и уже распространялись по свету и где-то там лежат, читаются, на кого-то действуют? Каждый человек в праве ожидать, что имеется на свете именно такая книга, которая способна чуть ли не моментально переделать его психику и сделать совершенно другим этого самого человека. Стоит лишь найти эту книгу да прочитать ее, а превращение души и ее выворачивание совершатся само собою, — по всем правилам быстрого превращения такого-то Савла в такого-то Павла.

Но вот вопрос: а как найти такую книгу? Как найти ее мне, мне лично, такому-то человеку?

По приблизительному подсчету Поля Отле, директора Международного Библиографического Института и Брюсселе, на земном шаре существует не менее 60 мильонов отдельных литературных произведений, написанных на всех языках, какие только были или существуют поныне. Каждый великий народ создал, за время своей исторической жизни, мильоны произведений, разошедшихся в десятках или сотнях мильонов экземпляров. Каждому из нас известно, что сильно действовать на читателя могут не только книги новейшие, но и книги очень старинные, написанные даже тысячи лет тому назад.

Джон Леббок свидетельствует, как сильно подействовал на него Гомер. Еще того сильнее действует Библия. Влияние сочинений Платона отнюдь не прекратилось по сего дня. Сочинения Кнклада изучаются нашими детьми в школах. Значит, наиболее действующую книгу приходится искать не только среди книг новых, но среди очень старинных, буквально-таки среди всех мыслю существующих литературных произведений.

Искать одну такую книгу среди 60 мильонов других книг! Но ведь это тоже, что искать один единственный черный шар, положенный в такой ящик, где уже лежит 60 мильонов белых шаров! И искать-то приходится такую книгу, в сущности, с закрытыми глазами: заголовки книг почти ничего не говорят огромному большинству читателей. Да и имена авторов тоже. На много читателя бульварный роман Понсон де Террайля действует куда мерзмо сильнее, чем романы В. Гюго и Достоевского. Иная душа перевязывается под влиянием книги научной столь же быстро, как другие души под влиянием стихотворений. Значит, приходится искать сильно действующую на меня книгу *во всех* отделах библиотечного каталога.

Из предыдущего вот что следует: вероятность *найти* такую книгу чрезвычайно мало. Она во столько же раз меньше вероятности *не найти* ее, во сколько 1 меньше 60.000.000.

Но нет, — вероятность эта еще того меньше, по той простой причине, что душа человеческое удивительно переменчива: сейчас человек такой, а через минуту он уже не совсем такой; а через час — и даже очень не такой, потому что в каждом из нас и мысли, и чувства, и стремления, и всякие ощущения как внешнего, так и внутреннего мира вроде как текут, постоянно меняясь. Наше я представляет собой настоящий поток всевозможных психических явлений, которые сознаются каждым из нас по его опыту непосредственно. В. Джемс очень правильно и красиво назвал такой психический поток *потоком сознания*. Наше я—это поток сознаний, вечно изменчивый, вечно текущий из прошлого в настоящему и будущему. Кто не знает по своему опыту, как меняются наши настроения? Сейчас я весел, а через час грустен, а еще через четверть часа уже зол. Сейчас я чего-то желаю, а через час — не желаю ничего. Многие наши настроения так развалчивы и разнородны, что одними из них погашаются и сменяются из нет другие. На наших настроениях отражается великая перемена в нашем здоровьи или в нашей болезни. От настроений зависит влияние на нас книги. Книга веселая, юмористическая, вроде Марка Твена или Аверченко, веселит нас и весслую минуту и прямо таки взят в минуту грустную. Когда мне хочется рассуждать, и ищу себе книги с рассуждениями, а когда мое состояние требует нежности и тепла, я принимаюсь за чтение набранного мною поэта. Положим, ко мне в руки попала та самая книга, которая *действительно может* подействовать на меня чрезвычайно сильно. Но ведь одно дело—*мочь*, и совсем другое дело действительно так подействовать. Попадись на мне такая книга в несоответственный момент, при несоответственном моем настроении, — и она на меня не произведет на какого действия, и я ее сам отброшу, как неподходящую. И это ту самую книгу, которая тоже могла бы произвести на меня, при ином настроении, страшно сильное действие и перевернуть мое я.

Но и это еще не все. Существует великое множество самых разнообразных причин, которые очень сильно влияют, изменяя результаты нашего чтения. Влияет, например, та обстановка, в какой мы читаем книгу: одно дело—читать ее у се-

Будем смотреть прежде всего на то, что может сделать человека, а не на то, что разделяет нас!
Николай Рубакин.
Лозанна Швейцария
av. Montchoisi 19
1925

бя дома, и совсем другое дело — читать ее в вагоне железной дороги или трамвая, или в саду, или в поле. Обстановка, даже поза читателя, оказывает свое влияние на то психическое явление, какое и нем совершается во время чтения. Читать книгу лежа — вовсе не то, что читать ее же сидя или походя. Из одной и той же книги читатель выносит разные мысли, разные чувства, разные образы, смотря по тому, в какой обстановке, при каких различных внешних условиях он ее читает. Кроме того, влияет на это не только обстановка ближайшая, но и очень далекая: одно дело читать книгу о России, в самой России и совсем другое дело—читать ее за пределами своей родины.

Подобно этому влияет на нас и момент чтения: одна и та же книга производит не совсем одинаковые влияния, если читать ее утром или вечером, летом или зимой. Влияние изменяется и смотря по историческому моменту: читая сочинения Ленина до революции, во время революции и после революции, мы составляем себе о них *разные* впечатления, выносим из них *разное*, оцениваем книгу по разному и приписываем ей иной раз не только различные, но и противоположные мысли, чувства и стремления.

Влияние времени сказывается еще вот на чём: одна и та же книга влияет на нас по разному и кажется нам различной в зависимости от того, читаем ли мы ее в детстве, в юности, в зрелом возрасте, или в старости. Сказки Гримм и Гауффа невыносимы для зрелого читателя. Сочинения Писарева производят на юношу совершенно иное влияние, чем на старика, и старик видит в них совсем иное содержание, чем юноша.

Подобно этому влияет на результаты чтения и пол читателя: из одной и той же книги женщины выносят не совсем то, что из этой же книги выносят мужчины. Влияет и раса,—например, романы Теккерея, растянутые, обстоятельно, протокольно и нередко хладнокровно написанные, невыносимы для сангвиника итальянца. Русскому почти невозможно восхищаться произведениями финляндского таланта Пейперинта, которым восхищаются финляндцы. Романы Достоевского не восхищают норвежцев, неспособного к самоанализу. А влияние расы на результаты чтения свидетельствует, вот о чем: на читателя влияют не только его *собственные* качества, но и качества его *предков*, от которых он получил по наследству свои национальные или семейные черты. Мы все читаем книги в зависимости от качества наших предков и этих предков! Свидетельством этого является всем известное разнообразие национальных литератур.

Еще больше влияния производит на результат чтения та социальная среда (семейная, общественная, политическая, экономическая, религиозно-церковная и т. д.), в какой мы жили и живем и какая нас воспитала, создала наши привычки, обычаи, нравы, вложила в нас такие-то обычные нам мысли и чувства, интересы и стремления, верования и мечты, наши знания и наши суеверия, нашу образованность и наше невежество, нашу культуру и некультурность, нашу цивилизацию или варварство.

А раз это так, то не приходим ли мы и к такому выводу: влияние книги на читателя представляет собой психологическое и социальное явление в высшей степени сложное, такое сложное и такое изменчивое, что всю его изменчивую сложность трудно даже себе и представить?

И вот, перед лицом такой сложности, не покажется ли нам чрезвычайно странным и просто тем смешным обще-распространенное мнение о читаемых книгах и о результатах их чтения? „Читатель почитывает, писатель пописывает", а голова читала — что такое репето: кое-что из читаемого она задерживает, кое-что пропускает. Чего же проще? Но вопрос о чтении и о его результатах, т.е. о влиянии книги на читателя, далеко не так прост, как это кажется почти всем читателям. У этого вопроса имеется одна, в высшей степени печальная сторона, которую можно резюмировать так: грамотное человечество всех стран и времен затрачивает на чтение печатных материалов, ежедневно создаваемых работниками книжного дела, слишком большое количество и времени, и сил, и средств совершенно зря, во всяком случае расходует его чрезвычайно не экономично. Если на чтение затрачивается с пользой, например, одна минута, при чтении той же самой книги расходуется совершенно без всякой пользы двадцать — тридцать минут, если не больше. То, что ныне выносится из чтения, могло бы быть вынесено из него в 30 раз быстрее, в усвоено — в 30 раз крепче, чем как это делает огромное большинство читателей в настоящее время.

Необходимо действительно научно изучать процесс чтения,—начиная с восприятия каждой отдельной фразы, каждой отдельной главы и кончая всей книгой, всеми произведениями данного автора, целым отделом каталога и наконец, литературой национальной и всемирной.

Здесь перед нами раскрывается громадная область для библио-психологических исследований, область, в которой уже многое сделано, но еще больше остается сделать.

Это поняли еще в 1916 году два всемирно-известных ученых учреждения: Институт Жан Жака Руссо и Международный Библиографический Институт в Брюсселе. Оба эти Института положили начало особой Секции Библиологической Психологии, ныне существующей в Лозанне (*La 38 Monuginer* Швейцария), директором которой я имею честь быть.

Библиологическая психология — это особая отрасль научной психологии и, вместе с тем, одна из отраслей естествознания, поскольку она ставит своею задачей исследование книги как могущественнейшего орудия борьбы за истину и справедливость и свое-образного фактора, создавшего и создающего человеческую культуру и цивилизацию.

Библио-психология — во истину крупная сила, но, пока что, в значительной степени лишь сила будущего.

Нельзя, поэтому не сказать всем читателям: вооружайтесь библио-психологическими знаниями!

Лозанна, 1926 г. *Н. А. Рубакин.*

ВЕНИАМИН РАКОВ.

Александр Блок—поэт революции.

Страшно, сладко, неизбежно надо
Мне—бросаться в многопенный вал.
А. Блок

Один из многочисленных критиков Блока написал: „Блока гораздо больше интересовало музыкальное соотношение происходящих событий, чем их общественно-политический смысл". Утверждая это положение, критик был глубоко неправ: он не увидел самого главного, что составляло сущность Блоковского восприятия нашей жизни. Очень прискорбно, что многие, очень многие критики утверждали, что Блок не интересовался общественной борьбой, социальными силами, и что в том заключалась главная сила и значение поэта. Причина этого печального факта лежит в том, что Блок по-своему, (как может только художник!) индивидуально воспринимал социальные явления: он всегда рассматривал их с точки зрения музыки. Это ввело в заблуждение многих критиков. Но не чистую музыку, как и не чистое искусство, воспринимал Блок: музыка была лишь фоном, на котором он воспринимал и принимал социальные явления. Критики не поняли, что скрывается за той музыкой. Есть еще и другое, что сбило критиков с правильного пути. Блок не все воспринимал в жизни: он многого не замечал. Он проходил мимо тех событий, которые не имели глубокого социального смысла; он совершенно не интересовался политиканством, и теми событиями, которые создаются искусственно, и в которых массы, народные глубины не принимали участия. Иными словами: его интересовало лишь то, и чем принимали участие огромные со
циальные силы трудящихся, его интересовало лишь то, в чем звучала музыка, а носителями музыки Блок считал „варваров", народ. Так Блок подходил к событиям жизни. Вот характерная запись в его дневнике (1/IV 1919 г.)

„Быть вне политики? С какой же это стати? Это значит — бояться политики, прятаться от нее, замыкаться в эстетизм и индивидуализм, предоставить государству распоряжаться с людьми, как ему угодно своими устаревшими средствами".

И дальше:

„Нет, мы не можем быть „вне политики", потому что мы преданы этим музыку, которую можно услышать только тогда, когда мы перестанем прятаться от чего бы то ни было".

Поэт воспринимал и оправдывал лишь то, в чем звучала музыка, в чем он видел народную стихию. А к остальному, где нет музыки, где все прогнило, где все пропитано пошлостью и тупостью, он относился беспощадно. Блок ненавидел буржуазный мир, мир сытости и застоя, „мрак, где не видать ни зги", где люди живут „без любви, без души, без лиц", где „непроглядный ужас жизни", где „лжи и коварству меры нет". Он ненавидел старый мир, где „все многозначно, все не спаяно; не стало цемента, потребного для спайки; дух музыки и „чувство недовольства собой и окружающим" — по признанию историка — доводят до явного жения"; где все воспитание сводится к тому, чтобы „упражнять волю, не падать духом, сохранять всегда бодрость, готовиться стать хорошим пушечным мясом и гражданином", в результате чего „довольство — тупеет в вверсет, меньшинство — киреет, опустошается, сходит с ума".

Буржуазная культура, цивилизация, как ее называет Блок, все больше и больше уходит от природы; „все запылены государственностью, и восприятие природы кажется нам восприятием трудным". Основное зло буржуазного строя—это то, что „утратилось равновесие между человеком и природой, между жизнью и искусством, между наукой и музыкой, между цивилизацией и культурой".

Блок жил в царской России, но это совершенно не дает право считать, что все зло, вся ненависть поэта относилась к абсолютизму. Одна из характернейших черт Блока, это—интерес его не к форме (внешней), а к самой сущности. Если Блок мог писать: „Думать о России очень тяжело и беспокойно, я от нее не жду пока ничего, кроме всякого хамства", то о европейской жизни, где была „свобода" и пр., он писал не лучше: „Европейская жизнь так же мертва, как и русская, вообще—вся жизнь людей во всем мире есть, по-моему, какая-то чудовищно-грязная лужа". И не формой того или другого государства интересовался Блок, а той пошлостью и тупостью, той гнетущей „немузыкальностью", которая является спутницей всякой государственной формы. Эта людская пошлость, которая является продуктом буржуазного строя, есть то основное, что томило всю жизнь Блока, рождало ненависть и злобу. Буржуазный строй родит мещанство, которое тормозит прогресс, создает косность и инертность, создает маленьких людей, с мальими потребностями, которые ведут тупой и трусливый образ жизни.

„Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
„А вот у поэта — всемирный запой,
„И мало ему конституций!"

Всякий буржуазный строй строит на таких людях свое благополучие; ему не надо людей с высокими и мятежными порывами. Наоборот: „Власть торопится сковать всех тех, кто перестал быть всякой, в тур превратить или в коня", или запереть „свободных и сильных в тюрьму". Вот любопытная запись в дневнике от 26/15/ II 1918 г. „Он обстрижен ежиком, расторопен, пробрал всю жизнь важным чиновником, под глазами — мешки, под бронхитом сипнет, от него пахнет чистым мужеским бельем, его дочь играет на рояле, его голос — теноришка — раздается за стеной, на лестнице, во дворе, у отхожего места, где он распоряжается, и пр. Везде он. Господи, дай мне силу освободиться от ненависти к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, переобивает мысли. Он такое же плотоядное животное, как я, он лично мне еще не делал зла. Но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то автологического истерического омерзения, мешает жить. Отойди от меня, Сатана, отойди от меня, сгинь!, только так, чтобы не соприкасаться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, Сатана"...

Этот строй, где „под знаком равенства и братства — время темные дела", был глубоко ненавистен Александру Блоку.

Где выход из этого положения? Что сделать, чтобы „живая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью"? Блок не верит в различные парламенты и пр. учреждения, которые хотят разрешить огромные социальные вопросы „миром", „без крови", разрешить в теплых залах, где горит электричество, в то время, как „на улице — ветер, проститутки мерзнут, люди голодают, их вешают, а в стране — „реакция"; а в России жить трудно, холодно, морано. Да хоть бы все эти болтуны в доск искудали от своих исканий, никому на свете, кроме „утонченных литур", ненужных, — ничего в России бы не прибавилось и не убавилось".

Почему и народе такая ненависть к „чродиаю"? „Потому, что мы сами раздали о „выборных агитациях", сами судили чиновников за „злоупотребления" при этих агитациях; потому, что самые цивилизованные страны (Америка, Франция) сейчас вакханствуют в выборном мошенничестве, выборном взяточничестве".

„Для художника—идея народного представительства, как всякое „отвлечение", может быть интересна только по внезапному капризу, а по существу—ненавистна". (Дневник от 7/I 1918 г.)

Мимо всего этого проходит Блок; он ищет кардинального разрешения социального вопроса; но частичного, а полного; чтобы вырвать до корня и уничтожить всю буржуазную культуру и на место ее создать свободный, прекрасный общественный строй. строй, где будет звучать музыка: „я думаю, что не защитить, и жестоко уничтожить надо все то, что не сказано, не озарено духом истинной культуры". Всю эту мерзость, пошлость, от которой задыхаются люди, может уничтожить только революция, но не та революция, которая заменяет одну форму насилия другой, а та, которая уничтожает все формы насилия, которая середелывает весь социальный строй. Блок верил лишь в ту революцию, имя которой Социальная: „Карточные домики цивилизации разлетятся при первом дыхании жизни; а гонимые ею музыкальные ритмы растут и крепнут, так-как в этих ритмах, а не в рационалистических обобщениях, отражена действительная жизнь".

Потому Блок прошел мимо февральской революции; он не увидал в ней жизни, он не услыхал в ней музыки.

В дневнике от 24/ VII 17 года есть запись: „Что-же? В России снять черно и будет черное прежнего?."

А вот места из писем к матери:

„Положение, действительно, ужасное, для тех, кто стоит на государственной точке зрения, оно, конечно, катастрофично. Но можно, не будучи ни анархистом, ни большевиком, полагать иначе". (28/ VII 17 г.)

„Теперь здесь уже, так-сказать, „непересечь", в смысле революции. Россия опять вступила в свою трагическую (с вечной воденяльной примесью) полосу, все тащут „затостное ярмо".

И вот запись в дневнике от 30/ VIII 1917г.:

„Тягостное мое к туманам большевизма и анархизма". Это указывает на прямой путь к приятию „октября". Путь этот начался давно; он начался еще тогда, когда молодой Блок записал:

„Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты,
Они скучали и не жили
И мяли белые цветы".

Глубоко неправы те, которые хотят оторвать „Двенадцать" и „Скифы" от всего творчества поэта. Эти произведения явились логическим завершением всего творческого пути поэта; путь этот—стремление к чистой прекрасной жизни. Да и сам м Блок прошел мимо октябрьской гровы, когда трещали устои капиталистического мира, когда уничтожались пошлость и мещанство? Поэт создает великую поэму наших дней, великую симфонию октябрьского „ветра" — „Двенадцать". Отныне он становится поэтом великой социальной революции. Вот как описывает это время его биограф:

„Переворот 25 октября, крах Учредительного Собрания и брестский мир Александр Ал. (Блок) встретил радостно, с новой верой в очистительную силу революции. Ему казалось, что старый мир действительно рушится, а на смену ему должно явиться нечто новое и прекрасное. Он ходил молодой, веселый, бодрый, с сияющими глазами — и прислушивался к той „музыке революции", к тому шуму от падения старого мира, который непрестанно раздавался у него в ушах по его собственному свидетельству". (Бекетова: „А. Блок", ст. 256).

В нашей жизни много „узлов", которые опутывают человека; задача революции — их разбить.

Великий октябрь их и разбил. Это не значит, что жизнь не напутает сейчас новых узлов; она их уже напутывает; только это будут уже не те узлы, а другие".

И дальше:

„Не знаю (или знаю), почему Вы не увидали октябрьского величия за октябрьскими гражданами, которых было очень много,—могло быть во много раз больше". (Письмо к З. Н. Гиппиус).

А в то время, когда старый, капиталистический мир пытается задушить революцию, Блок создает „Скифы".

Всякая истинная революция приходит в кровь, она приносит с собою много темного и страшного. Но иного пути нет: разрешение социального вопроса лежит только в плоскости революции. Если это так, то у кого есть настоящая ненависть к старому капиталистическому миру, тот, кто действительно задыхается от людской пошлости, тот примет революцию со всеми ее ужасами...

„Но знаю, что страшнее: красный нетух и самосуды в одном стане, или эта гнетущая немузыкальность в другом?"

„Гнетущая немузыкальность" оказалась страшнее, и Блок записал:

„Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию".

2 Февраля 1929 г.

(Саратов).

Об анархизме и его осуществимости.

Еще в самом начале XX столетия (1901 г.) один из виднейших, далеко не понятый, апостолов анархизма, Л. Н. Толстой писал: «Анархизм входит теперь в ту фазу развития, в которой был социализм 30 лет тому назад, он приобретает право гражданства в ученом мире». И ныне, действительно, ни один ученый, будь то социолог, экономист или просто публицист не в состоянии обойти в своих работах молчанием вопрос об анархизме. Так или иначе, прямо или косвенно каждый из них касается в своих исследованиях явлений социальной жизни идей анархизма. Другой вопрос, конечно, *что* эти ученые и публицисты говорят и как говорят об анархизме?

В большинстве случаев их изследование идеи анархизма сводится к далеко не беспристрастной критике, к неправдоподобным, или точнее, к ложным выводам. Или по крайней мере, было до сих пор и так будет, конечно, еще долго.

Если вы, беспристрастный, просто любознательный читатель, пожелаете познакомиться и разобраться в этой «ученой критике», если вы, выражаясь образно, приоткроете на миг двери «ученого мира», где вот уже 4-й десяток лет анархизм «приобретает право гражданства», то вы услышите такой разноголосый концерт, такой базарный шум, в котором вам едва удастся разобраться и получить ответ на свой вопрос: что такое по существу анархизм? Познакомьтесь с мнением, краткой и выводами об анархизме Адлера, Бернштейна, Бернацкого, Бухарина, Гарро, Кульчицкого, Ломброзо, Плеханова, Преображенского, Райсбера, Штамлера, Ященко и других представителей и диллетантов социальных и экономических наук, и вы не найдете среди этих *«беспристрастных мужей* наук и ее любителей» двух, мыслящих, понимающих и представляющих себе анархизм и его основные идеи одинаково и хоть мало-мальски правильно. Каждый из них толкует анархизм так, как ему больше всего «по душе», пристрастно-субъективно, а не, как требует наука, беспристрастно-об'ективно, и каждый из них в конце концов считает долгом своей «ученой совести и чести» ущипнуть, а то и просто лягнуть анархизм.

Но почему же все это так?.. Куда девается об'ективность и беспристрастность ученых, всегда осторожных в своих исследованиях и утверждениях, не рискующих, например, определенно утверждать каково *точно* количество простых элементов, уклоняющихся, что категорическое утверждение «дважды два-четыре» неправильно, ибо «дважды-два *приблизительно* четыре», в высшей степени осторожных при исследованиях устройства паровозного двигательного аппарата или иного какого нибудь органа у букашки, мушки или у какой нибудь амебы,—куда девается, повторяю, вся об'ективность и осторожность ученых при всяком изучении сущности анархизма или той или иной его идеи? В чем причины этого, по меньшей степени, ненормального явления?

Причин здесь, конечно, как и во всяком явлении, много. Говорю о ближайших причинах, но и остановлюсь только на двух, являющихся, по моему, главными, или точнее одними из главных.

Первая причина заключается в том, что знакомство ученых исследователей с материалами по анархизму преимущественно происходит не непосредственно, из первых, так сказать, источников, а при посредстве различных «об'ективных» изложений, сделанных ранее разными и далеко не об'ективно относящимися к анархизму, их пред шественниками—учеными и публицистами любителями. Непосредственное знакомство с анархическим материалом очень затруднительно, а иногда прямо таки невозможно, благодаря тем гонениям, которым подвергается анархизм со стороны разных оффициальных и неоффициальных предста вителей власти.

«Наука еще не успела заняться вплотную идей анархизма, говорит Гект. Донколи, когда государство и мелкая политика наложили на них свои железные цепи. И государство и политика стремились к подавлению и уничтожению первых зародышей идеологии анархизма, в котором они видели общественное зло, а не к изучению причин, породивших его возникновение.

И как результат всего этого, почти все «произведения, написанные более чем на двадцати различных языках и появившиеся более чем в тридцати разных странах, буквально поглощены, и вышли из употребления, то благодаря полицейским преследованиям, то вследствие своего назначения для пропаганды.

Самые богатые библиотеки относятся к анархистской литературе со странным пренебрежением, а среди самых пропагандистов анархизма коллекционеров по существует, т. к. они почти все обречены на крайнюю нужду, ссылку и тюремное заключение» (Нетлау).

Лучшим доказательством только что высказанного служит современное нам положение анархизма в *революционной* России...

Ничто, кажется, не преследовалось и не будет преследоваться с таким ожесточением и остервенением, как преследуется анархизм и его сторонники анархисты со стороны пьяных, пьяных и от вина и от крови, агентов государства. Но не смотря на все преследования каким подвергался анархизм, он все-больше и больше завоевывает себе симпатий, все сильнее и глубже проникает в сознание пробуждающегося человека.

Вторая причина состоит в том, что большинство, если не все, представители из ученого лагеря стоят по ту сторону анархизма, в стане государственников, и стоят не только, так сказать, физически, об'ективно материально, но главным образом идеологически, суб'ективно, психологически.

Государственность так проникла их психику, что им, даже при самом искреннем их желании, очень трудно быть об'ективными при изложении антигосударственных идей анархизма. Государственническое предрассудки глубоко укоренились в их существо государство *для них* существует также, как для религиозно-верующего человека существует Бог. Всякому же должно быть ясно, что религиозно-не рушащий человек при изложении или критике атеизма (отрицание Бога) никогда не сможет быть беспристрастным, об'ективным в полном смысле этих двух слов.

Таковы вкратце те две причины, которые являются, по моему, главным препят ствием об'ективного исследования, критики и изложения анархизма для представителей ученого мира.

Но если положение анархизма и ученом мире так печально, то среди другой части общества среди, так называемых, широких масс, дело обстоит гораздо хуже. Хотя там анархизм с еще большей стремительностью, быстротой и силой приобретает себе «право гражданства», понятия и представления о нем там еще более ненравильно нанны, а порой прямо таки уродливы.

Анархизм среди широких кругов населе ния синонимы беспорядка, грабежей, ... ств и насилия вообще,—это с одной стороны; с другой стороны, анархизм это-то пин, романтизм, несбыточная фантазия, мечты больных людей и т. п. Для одних анархисты—исчадие ада, преступники, просто бандиты, для других — наивные утописты, мечтатели-идеалисты, романтики, чудаки, не умеющие понять сущности реального бытия, *земной*, так сказать, не небесной жизни, предельной осуществимости идеала этой земной жизни и т. д., не умеющие, иначе говоря, различать то, что есть и что может быть от того, что желательно, но что не может быть, что не осуществимо.

Так ли это?

Нет, далеко не так, как мы увидим это ниже.

Откуда же тогда эти противоречивые мнения об анархизме и анархистах?

И здесь опять таки, по моему, важно усмотреть две главных ближайших причины.

Первая — темнота масс вообще и русских масс в особенности. Останавливаться долго на этой причине нечего: теперь уже всякому здравомыслящему человеку, сво бодному от всяких внешних ложных авторитетов и предрассудков, ясно, что причина всех уродливых явлений социальной (общественной) жизни кроется, главным обра зом, в темноте, окружающей человека, в его невежестве, области которого даже и теперь и 20-м веке, веке пара и электричества, еще очень обширна.

Вторая причина кроется в том, что про паганда и популяризация идей анархизма попала в руки его врагов. На нашем рынке, периодической и повременной печати можно встретить сотни и тысячи брошюр и статей об о по анархизму. Десятки и даже сотни лекторов и докладчиков читают везде и повсюду на ту же тему. Причем вся эта пропаганда и популяризация ведется почти исключительно разными государственными (партийными, безпартийными) «дельцами», явными или тайными, сознательными или бессознательными, врагами анархизма. Каждый такой пропагандист и популяризатор основной, конечно, анархизм с своей государственнической точки врения, а если он «партийный», то кроме того с точки зрения своей колокольни-партии. К чему может привести такая пропаганде и популяризация анархизма, всякому, но мудрствующему лукаво, должно быть ясно.

Бороться *с этими* «друзьями» анархизма, анархистам очень трудно. Бойкот устное или письменное слово анархистов душится государственной властью, усматривающей не без основания в правдивом слове анархистов как и в самых анархистах своего самого опасного и непримиримого врага. Лекции, беседы, доклады, клубы, читальни, газеты, журналы, литература вообще — все то, что служит средством пропаганды и агитации анархистам своих идей,—все это везде и всюду во все времена и существования государства подвер галось гонениям и преследованиям, кончающимся и лучше для анархистов случае разгромом и тюрьмой, в худшем-пыткой и смертной казнью. И «Так было и так будут» до тех пор, пока будет существовать какая бы то ни была государственная фор ма общежития.

Мы анархисты это прекрасно знаем, но нас это не пугает и не разочаровывает в нашей борьбе. Наоборот, отношение к анархизму и анархистам лишь сильнее и прочнее утверждает нас в том, что истина на нашей стороне. Мы понимаем и знаем что истина была гонима, что прежде чем стать всеобщей ее нужно было выстрадать человечеству, что на своем пути к призна нию она требует жертв.

Но не только мы это знаем, знают это прекрасно также и те, кто нас гонит, как знают прекрасно они также и то, что своей «правды» штыками и пулями им все равно не доказать, ибо никто никогда, с каких пор существует человечество, не мог дока зать таким путем своей истины.

На штыках можно водиться, но сидеть на штыках невозможно: они остры, проколоть могут.

Но все равно рано или поздно победим все таки мы, победит идея анархизма. Теперь же скажу словами Декана: «Одной головой анархиста больше или меньше, какое это имеет значение? Это не помешает анархизму распространяться».

Но оставим жизнь решать на чьей сто роне правда и перейдем ближе к вопросу, интересующему нас в данный момент: кто же такие анархисты?

Выше я уже говорил, что как не разнообразны, как не различны мнения об анархистах среди масс, их все таки можно свести к двум основным категориям: одни смотрят на анархистов как на зло, как на чертей, как на разбойников, грабителей, преступников, бандитов; другие видят в них фантазеров, мечтателей идеалистов, романтиков, утопистов и просто больных людей.

Задача этой моей работы доказать, что анархисты не те и не другие, что они не ангелы и не черти, что они самые обыкновенные смертные со всеми присущими последним достоинствами и недостатками, что анархизм не утопизм и не бандитизм, а реальный прогресс человечества, эволюция общественной жизни, что анархизм—философия, пробуждающаяся от долговечного рабства-сна человека, не желающего более терпеть над собой какое то бы ни было социальное ярмо, будь то ярмо политическое, экономическое или духовное.

Человек после многовековой упорной борьбы вышел наконец «из животного раб ства и, пройдя через божественное рабство,—переходное состояние между его животностью и человечностью,— находится теперь на пути к полному освобождению и осуществлению человеческой свободы». И этот человек — анархист, в его мировоззрение, его идеологии, стремления его души — анархизм.

Б. Стоянов.

Из писем из России.

По словам очевидца...

Один товарищ, член одной из многочисленных „рабочих делегаций" в С.С.С.Р., —смотревший и видевший не кабинетными, а собственными глазами, сообщил нам следующее:

„Одновременно с массовыми арестами среди „троцкистов", власти, встревоженные и раздраженные „антипатией" последних, начали чистку и среди других „оппозиций", как они полагают, элементов. Во многих местах арестованы и неизвестно куда упрятаны старые, всем известные анархисты, никакой общественной и поли тической деятельностью в последние годы не занимавшиеся. Единственно, чем руко водится Г.П.У. при этих арестах — это... старые списки анархистов, по которым последних время от времени арестовывают, чтобы выловить и сослать одного-двух наиболее стойких товарищей.

На этот раз аресты носят более тяжелый и активный характер. Так, в Одессе, в январе месяце, агентами Г. П. У. без всяких причины арестовано около 20-ти анархистов. Судьба их, несмотря на все поиски родных, до сих пор остается неизвестной. Г.П.У. категорически отказывается дать какие-либо сведения об арестованных. Все, что можно от них услышать, это—„мы таких не знаем"...

Находясь в положении заочных и преследуемых и всегда на виду у агентов Г. П. У.,—задержанные товарищи, естественно, никакой — ни активной ни пассивной деятельности не проявляли. Единственная вина их заключается в том, что они остаются при своих убеждениях и продолжают числиться в списках Г.П.У.. Все они рабочие, члены профсоюза и старые революционеры. Многие из них — бывшие активные работники революционного подполья и непременные участники фронтов гражданской войны. Двое на них (я это пока единственные известные нам имена) — Арон Файнштейн (Арон-Дунай) и Абрам Вулис - бывшие эмигранты и хорошо известны своей революционной ак тивностью среди еврейских рабочих в Северной Америке. Последняя волна репрессий отличается некоторыми особенностями: это — усиление изоляции и ареста ванных и фиктивная замена ссылки — каторжными работами. Во многих городах Средней России в спешном порядке созданы специальные каторжные тюрьмы. По дороге в ссылку (в Екатеринбурге) партия ссыльных „оппозиционеров" устроила и поезду обструкцию и на одной станции — митинг... По приказу из Москвы им тут же заменили ссылку — тюрьмой и всех отправили в Тобольский полит-изолятор. Один из них — видный одесский коммунист, отморозил себе ноги и был возвращен в Москву для водворения в тюремную больницу. В Киевской тюрьме над вратами набили пятерых „оппозиционеров" ключами...

Во всех крупных городах — и особенно на Украине, восстановлены „черные кабинеты", усилившие в последнее время свою деятельность по перлюстрации и цензуре писем...

Широкая волна стихийно возникающих забастовок прессой совершенно замалчивается. Возмущение растет с каждым днем.. Но страх и пауганность настолько велики, что возмущению этому пока вы хода нет"...

—: о :—

От Комитета помощи т. Махно.

Исп. Ком. Федерации получено письмо и воззвание комитета помощи Махно. Считая, что тов. и читателям хорошо известна фигура борца за народное дело, считает только нужным и с своей стороны указать товарищам что помощь это крайне необходимая и нужная, и что все товарищи должны по мере возможности при нять участие в этом деле помощи Махно.

Комитет состоять из товарищей Барбе, Буше, Лишя Феррер, Госсар, Лекуэн, Летрёур, Надо, Гистон, Роллан, Велиндель. Товарищи эти хорошо известны во французском движении и нужно надеяться что это дело помощи дасть должные результаты.

Средства направлять по адресу комитета помощи Махно: *Condere, 101, Rue de Charonne, Paris.* (Почтовый чек. 520-48, *Paris*) или по адресу федерации с указанием для фонда помощи т. Махно.

ОТЧЕТ СВИФТА

Коммерческие предприятия в Юж. Америке процветают, говорят в своих записках управляющие фрагорэфика Свифта, в Ла Плате:

„В этом году (1928) — пишут они — мы имели чистой прибыли 48.000.000 песо; теперь мы усовершенствовали индустрию, так, что ни кольта, ни шерсть, ни рога, ни даже отбросы животных мы не пропадают: из этого материала мы делаем мыло, гребни, щетки, а остальное идет для удобрения земли."

О чем же они не говорят, это о том, сколько сотен мужчин и женщин собирались, понапрасно ожидая работы в продолжения круглого года, у ворот нашей фабрики. Что не вошло в их приход - расход, что стоило ребят, которых мы видели каждый вечер выходящими из их фабрики, уставшими после 12 - 14 часов работы, в невыносимой жаре, около рационализированной машины, которая не дает времени ни даже для того чтоб выбросить то, что не может держать в себе человеческий организм.

Что не фигурирует в их отчете, это из девательства над стольними женщинами, что зимою, в 4 часа утра, пили, покалывав, на фабрику, убивающую душу и тело.

Какое дело им до того, что восемь или десять человек вынуждены жить в Берлине в одной комнате в 5х4 метра, построенной возле гнилых рек из которых так же проводят воду для питья, если они разделяют 48 миллионов в год, между своими акционерами? И это еще когда нет войны. А что будет, когда будет еще такая бойня как в 1914 году, чтобы можно было опять продавать гнилое, туберкулезное мясо по 1 песе кило?!

Берасео И. Д.

В виду спешности выпуска Г. Труда, в связи с созывом экстраординарного с'езда, материалы о рабочем движении, последние новости и отчеты пришлось оставить до следующего номера.